

Галина КАЛИНКИНА

г. Москва

ПАМЯТЬ: благо или мука?

*«Меня привлекало вот это маленькое пространство – человек... один человек.
На самом деле там все и происходит».*

С. Алексиевич

Роман Юрия Трифонова «Старик» читать современному молодому человеку, скорее всего, скучно, как впустую время тратить. Но есть ведь и тот читатель, что уже избавился от недостатка под названием молодость. И вот тот самый-то историей трифоновского Старика непременно проникнется, он-то знает, что у стариков можно подслушать главное, вечное.

По сути, в романе заключено несколько былей, взаимопроникающих пластов с едва заметными переходами. Плавность спаяк – это ведь признак мастерства, победившего ремесло. Трифонов мог бы только ограничиться настоящим: пересказать дачную жизнь старика Павла Евграфовича Летунова, со всеми житейскими дрязгами, бытовым переругиванием, недопониманием поколений отцы-дети, желанием и сопротивлением желанию заполучить освободившийся кооперативный домишко по соседству. Мог не давать воспоминаний.

Трифонов мог не показывать нынешнего стариковского лета, то есть был вправе погрузить нас в воспоминания о происходивших пятьдесят лет назад событиях, переходном времени из русского в советское, которое стало не только тектоническим сдвигом страны, а просто было молодостью Пашки Летунова.

Но автор, растворив в настоящем воспоминания прошлого, умело вплел в сюжет самостоятельную историю, которая вроде бы и не о главном герое, но касается его впрямую, и других героев касается, и даже нас с вами – читателей. Отдельная линия есть история одного имярека, делами и деяниями прев-

ратившегося в типаж дельца-нувориша с личным жизненным девизом «дожать до упора» – история о соседе Летуновых по даче, так же претендующем на бесхозный дом неподалеку от своего собственного.

Зачем автору понадобилась побочная ветвь? Мне кажется, прозаик предостерегает: еще немногим ожесточеннее поборетесь, еще глуше будете, еще беспамятнее к заповеди «не желай дома ближнего своего» отнесетесь, и вы сами незаметно для себя обратитесь в персонаж, в некое типичное явление эпохи потребления.

Успешный деляга, brutальный самец, «дожимающий» знакомую врачуху до немедленной выдачи справки о полном своем здоровье, «дожимающий» правление дачного товарищества до итога в свою пользу, «дожимающий» начальство, обещавшее заграничную поездку, – это, на наш взгляд, при всей типичности самый малозначительный образ романа. Даже сцена прощания в душе с молоденькой любовницей не закрепляет пробудившийся было интерес, кажется нераскрытой, надуманной.

И это вполне объяснимо, автор тут сдержан принципами тогдашнего традиционного соцреализма. «Когда солнце ушло, день смерк, он добился того, чего хотел, ибо, как всегда, настаивал до упора, и была отчаянная, долгая, горчайшая сладость, какая может быть лишь накануне вечной разлуки. Потом, когда стало темно как ночью, пошли в ванную, под душ, он мыл губкой любимое тело, с которым расставался навеки, говорил: «Ponte el pie aquí», – брал ее ногу за колено и ставил ступню на борт, она подчинялась, обни-

мал ее, целовал мокрое лицо, не ощущая губами слез, лилась вода, они стояли до изнеможения под душем, лилась и лилась, стояли, лилась, стояли, лилась, лилась, лилась из последних сил».

История, как, в конце концов, судьба «дожала» дельца, сделала из нувориша – лишенца, хоть и поучительная, но все же проходная. Две других из рассказанных нам былей гораздо существенней. Прислушаемся к автору: что сам Трифонов нашел в своем Старике?

Удивительно, но Трифонов тогда, в 1978-м, называл Великую Октябрьскую – переворотом. Или он ничего особого и не вкладывал в слово – переворот? Или решил, что уже можно? Или тут все сложнее: трифоновский Старик, с юности пребывающий внутри революционной ломки, в старости с особенной нежностью вспоминает то, что его революцией в итоге и сломлено. Перекрутился? Нет, такое вроде бы не про нашего Старика. Тогда что же?

«В доме Игумновых – в доме милым, куда я любил ходить, где было суматошливо, толкотно, шумно, уютно, доброжелательно, где подтрунивали друг над другом, где придумывали для собственного утешения разные веселые занятия, игры «в монетку» или «в слова» или вдруг от мала до велика увлекались лепкой, ходили с перепачканными руками, полы в комнатах заляпывались, пахло сырым гипсом, все друг с другом страстно соревновались, устраивался домашний конкурс, и Константин Иванович приглашал судьей знаменитого скульптора, который лучшей работой признавал какую-нибудь чепуху, слепленную прислужгой Милдой, – в доме, где все было почти родное, почти собственное. Я столько раз бывал у них дома в Питере, пил чай в гостиной, где чугунный рыцарь держал лампу на бронзовых подвесках, ел самодельное мороженое, пахнущее молоком, и Елена Федоровна говорила мне: «Павлик».

Странно, но в юности трифоновский герой – молодой человек, весь еще из тех – старорежимных – вдруг без особых внутренних мучений и метаний принимает сторону новой власти, насаждающей иные порядки, иную свободу, иные законы. Перемены настолько заманчивы? Те самые новые законы семейству Игумновых, близкому Пашке Летунову, несут разорение и печаль. «Автомобиль Константина Ивановича, в котором тот гордо выезжал по утрам, конфискован для военных нужд. Старую дачу в Сиверской кто-то поджег, сгорела дотла со всей мебелью, книгами. Константин Иванович пытается подать в суд, получить страховку, но где там! Никому ни до чего... Как тепло и уютно на этой даче, пахнет сигарою Константина Ивановича, горящими свечами, гудят печи, потрескивает дерево...»

Недавний гимназист Павлик с легкой руки дяди ка-

торжанина-революционера становится секретарем суда, трибунала, вроде бы простым писарем, но каждый вынесенный приговор оставляет зарубку, засечку на сердце. И юноша сам себе говорит: это вранье, что количество огрубляет чувства. Он помнит и седьмого, и восьмого, и девятого приговоренного. От него требуют бесчувствия во имя революции. Но что же тогда делать с Пашкиным пылким сердцем? «Были дни омертвления чувств. Слишком много смертей, насилий, сокрушающего напряжения, изо дня в день. Свиреп год, свиреп час над Россией... Вулканической лавой течет, затопляя, погребая огнем, свирепое время... Когда течешь в лаве, не замечаешь жара. И как увидеть время, если ты в нем?»

Мучения и виноватость так и не исчезают со временем, а с возрастом только усиливаются. Утекла молодость, и Старика гложут потери. Он не может поделиться мукой с детьми: кажется, дети его не любят, не понимают; он не может рассказать окружающим о революционной эпохее: кажется, давнее, памятное никому не нужно, неинтересно; он не знает, кому пожаловаться на нелюбовь близких и равнодушие дальних: больше нет единственной женщины, ищущей и ждущей его слова. «Прошли годы, прошла жизнь, начинаешь разбираться: как да что, почему было то и это... никого не осталось от тех времен».

Но почтальон доставляет письмо от той, кого любил с гимназической скамьи – от Аси Игумновой – кому прощал невнимание, чередующиеся замужества, метания от белых знамен к красным флагам. «Асю Игумнову вспомнил сразу. И Пятнадцатую линию, дом с граненым выступом, ворота из железных прутьев. Вдруг обрадовался – пойти рассказать детям! Ведь интересно – через пятьдесят пять лет. Но тотчас сообразил, что рассказывать нельзя, потому что поругались. Вчера тяжело и обидно ругались, опять натолкнулся на непонимание, нет, не то – все понимают, но делают вопреки пониманию. Того хуже, недомыслие. Недочувствие. Как будто других кровей».

После получения письма в жизни Старика появляются новые смыслы и надежда, нет, не на тепло в одной постели, а на разговор. Знаете, иногда так важно просто выговориться, просто поговорить. А стариков ведь редко слушают внимательно, чаще отмахиваются: некогда. И нашему Павлу Евграфовичу хочется разобраться в том, что не осмыслено юностью, а в старости стало дорого на вес золота, на вес еще одного прожитого дня в уходящей от Старика жизни. Старость через муку-память подбрасывает какие-то детали, эпизоды, незначашие, бессмысленные, отрывочные, из давнего-давнего, вдруг вызывающие пронзительную боль-тоску и догадку: потухание близко.

Нынешние стариковские «скучные» мысли, одолевающие главного героя за чаем на веранде, в ежедневных походах с пустыми судочками вдоль реки за обедами в кооперативную столовую, в упрямой работе над «никому ненужной» хроникой революционных событий куда эмоциональней и проникновенней описаны автором, чем бурлящие, приключенческие будни борьбы, лихолетья завоеваний и отвоеваний.

В романе Летунову чуть за семьдесят, Трифонову в момент написания – под шестьдесят. Возможно, и его собственный возраст помог так правдоподобно, подробно и безжалостно показать читателю нутряную лихорадку героя. Старик много говорит сам с собой. Старик горюет по рано ушедшей жене, жалобится ей. Его принимают за помешанного. Старик видит всю неправильность жизни детей своих, их слабость, апатию, отчужденность. Это беспомощное наблюдение его разрушает. Он злится, любит, брезгует, возмущается, жалеет. И вот те его невыплаканные мысли, та внутренняя Достоевщина, раздирающие одновременно презрение и нежность, притяжение к недосыгаемой любимой и смущение ее стариковской некрасивостью необычайно любопытны и трогательны: «Мне бы немедленно уйти, самое время, просто необходимо, но я, как глупая собака, привязанная к месту, не распоряжаюсь собой. Нет ничего долговечней и обманней детских Любювей. Ну что в ней было? Что осталось от девочки, когда-то поразившей насмерть».

Концовка романа Трифонова не про старческую безысходность.

Старику вдруг дарятся две радости: встреча с Асечкой Игумновой не в письмах, а наяву, и понима-

ние, что дети, его взрослые, несуразные, не так счастливые, как желал бы, дети любят его. Правда, им всем для ясности понимания нужно пережить подмосковное, душное тоской и дымами лето, нужно пострадать сыну в борьбе с лесными пожарами на торфяниках. Зачастую случается, что-то внешнее берет твоё нутро, слепоту разрушает и наступившему прозрению сопутствует отчаяние. Но тут ситуация разрешилась прозрением, унявшим отчаяние. Иногда бывает поздно: ни помириться, ни оправдаться не успеваем. Трифонов щадит своего Старика и тому с привкусом горечи гари дарует понимание, осознание, примирение. И тогда за дымами вдруг ясно встают любовь и нерушимость родства.

Что же есть память – благо или мука?

Время сменяется так быстро, что ты не отличаешь всамделишную и призрачные жизни. Вот только еще в январе-феврале: «все вокруг меня – шумный, обволакивающий, затягивающий куда-то сон. А в марте ничего, кроме бесконечного бега, толпы, перестрелок, новостей ужаса и восторга. Все орлы на решетках дворца обмотаны красной материей».

В строках, взятых эпиграфом, говорится о маленьком пространстве – душе человека – «там все и происходит» – правда ведь? Только то и интересно, что у человека внутри: ну, вот то, стариковское внешне, на самом деле еще юношеское, не изжитое, не истраченное, не затянувшееся, до скончания века не заживающее, не упокоенное, потому что Судный день близок.

И сам Трифонов прав: «Ничего сделать нельзя. Можно убить миллион человек, свергнуть царя, устроить великую революцию, взорвать динамитом полсвета, но нельзя спасти одного человека». □

Галина КАЛИНКИНА

в 2019 г. включена в лонг-лист четвёртого

Международного поэтического фестиваля «Дорога к Храму».

С рассказом «Тактиль» стала лауреатом конкурса

премии ДИАС-2020 в номинации «Имя».

В 2019–2020 гг. публиковалась в журналах «Юность», «ЭТАЖИ»,

«7 искусств», «Твоя глава»,

на портале о современных культуре и искусстве «ГуРу АРТ» (Берлин).

В декабре 2020 года с рассказом «Синий стульчик»

стала финалистом конкурса им. И.А.Булнина,

проводимого журналом «ЭТАЖИ».

В журнале «Север» публикуется впервые.

